

«Мне, грешному, осталось жить здесь ровно 50 дней. А что дальше будет, сам не знаю». Так писал друзьям в августе 1913 года видный деятель РСДРП, партийный литератор и будущий дипломат Вацлав Вацлавович Воровский. Осенью прошлого года он был сослан в Вологодскую губернию на два года за принадлежность к одесской организации социал-демократической рабочей партии. Не было еще закончено и следствие по делу издания «Манифеста Коммунистической партии» [издательство «Знамя»], над Воровским как переводчиком (его перевод считался лучшим в то время, превосходящим даже пехановский) тяготело обвинение по 132-й статье Уложения о наказаниях. Впрочем, оно было снято по амнистии — царскому манифесту в связи с 300-летием династии Романовых. Сокращен был и срок ссылки. И вот теперь он подходил к концу.

О жизни Воровского в Вологде написано немало. Но недавно в Вологодский музей-заповедник поступили совершенно новые, неизвестные ранее документы Вацлава Вацлавовича: его письма, фотографии, письма жены, Доры Моисеевны. Все они так или иначе связаны с вологодским периодом жизни Воровского и существенно дополняют его картину.

...Друзей он находил всюду. Вот и теперь, в Вологде, осенью 1912-го, он быстро подружился с двадцатипятилетним питерским студентом Всеволодом Венгером, сыном знаменитого профессора русской литературы Семена Афанасьевича Венгерова. Уже трижды подвергавшийся аресту и следствию, бывший в 1907 году членом Петербургского комитета РСДРП, теперь он был сослан в Вологду как участник студенческих волнений. Воровского, которому пошел уже пятый десяток, тянуло к его новым молодым друзьям — Всеволоду и его обаятельной супруге Анне Петровне. Вероятно, вспоминая, глядя на них, что и сам в том же возрасте оказался впервые в вологодской ссылке. А Венгером, участвовавшим во всех литературных начинаниях Семена Афанасьевича, было интересно общение с Воровским не только как с ветераном революционного движения, но и как с литературным критиком, освещавшим с марксистских позиций творчество русских и зарубежных писателей. Часто встречались, беседовали, спорили... Компанию составляли сыльные — старые одесские знакомые Воровского: Борис Богданов, Владимир Саронт, Сергей Малышев, Иван Саммер, Борис Перес... Последний вспоминал позже: «...Вацлав Вацлавович был обаятелен, и все окружающие от души любили его. Я никогда не видел его разочарованным, вспыльчивым, злым. Неудивительно, что всех знакомых тянуло к нему...».

Когда подходила амнистия, и политссылки, у кого срок

подошел, собирались покинуть Вологду, собрались всей колонией, несколько десятков человек, уезжавших и остающихся — и сфотографировались на память.

А Воровский снялся еще и с узким кругом своих друзей. Венгерова уехали. Всеволод Семенович сдавал экстерном экзамены за курс юридического факультета.

«истинным наслаждением была беседа с Вацлавом Вацлавовичем... пронизанная, как лучом, меткой шуткой Воровского, то столь же яркими лучами остроумных шуток пронизано каждое из писем. «Жизнь оставшихся здесь 50% кружка течет мирно и чинно. Ликвидатор и большевик усиленно работают, «купчик» [это — новое прозвище,

ты артелей, земская статистика... Вышла серьезная объемистая книга [Б. Богданов и В. Воровский. «Маслодельные артели в Вологодской губернии». Вологда, 1915]. Упомянув еще в одном из весенних писем «анкетные листки», осенью 1913-го Воровский пишет: «Я уже свободен, но застрял пока тут: ...«коровье дело», в которое вовлек меня ликвидатор, держит меня — должен окончить главу. Перу Воровского принадлежат шесть глав — половина книги. В мае 1914 авторы встретятся снова, уже в Петербурге, чтобы написать к ней предисловие. После этого их политические дороги окончательно разойдутся...»

«Купчиком» же Воровский на сей раз назвал Владимира Саронта. Впрочем, и в его жизни произошло изменение. «Получил занятие у местного лесопромышленника Раскина и будет заниматься, кажется, до конца ссылки».

Интересен взгляд Воровского на артистическую жизнь Вологды. В начале 1913 года здесь гастролировали известные в то время артисты Т. М. Дарьяни, Н. А. Юрьевский и Тамара Чарская. Был на концерте и Воровский. «Особенно хорошее впечатление оставила по себе г-жа Дарьяни, — отмечал тогда рецензент «Вологодского листка», — она обладала молодым, но очень хорошим и приятным голосом. Концертантку очень тепло принимали и много аплодировали». Но не все гастролеры держались на таком уровне, после очередных концертов Воровский писал Венгером: «...Не концерты, а одна грусть: по сравнению с ними Дарьяни показала Патти, а Юрьевский — Шаляпиным».

В письмах — информация о жизни вологодской колонии политических ссыльных, о встречах Воровского с М. А. Саммером, Ф. Г. и А. В. Чуциными, С. В. Малышевым и другими социал-демократами.

«Получил скидку и Чиркин [ссылный социал-демократ — Л. П.]. Многие предлагают подавать прошения о применении к ним манифеста, но публика смущается и не знает, что делать». «Дон Перес Карагеоргиевич [Борис Перес — Л. П.], издает упрямо римское право». «Чуцин уехал, но перед отъездом я его не видел». «Огородников обложил себя какими-то благотворительными уроками и изнывает под их бременем». «Новых элементов прибыло: 1) из Яренска Файнштейн... 2) из Усть-Кулома Шутко...».

Воровский сочувственно следил за дальнейшей судьбой Венгерова. «Желаю пока одного: благополучного достижения «Вс. С. в.м. диплома». «Поздравляю Вс. С. с первым экзаменом [может б., и 2-й уже есть]. Все хорошо, что хорошо кончается; слава Аллаху... что хоть такую бумажку из пасти льва вырвали». «Ну, надеюсь, Всеволода Семеновича можно поздравить с благополучным окончанием». Из автобиографии В. С. Венгерова: «По возвращении

из ссылки в 1913 году сдал государственные экзамены и получил диплом 1-й степени по юридическому факультету университета. В том же году был принят в помощники присяжного поверенного и работал в качестве юриста консультанта «Правды» и профессиональных союзов... В 1914 г. призван на военную службу...».

Если материальное и бытовое положение В. В. Воровского в Вологде со временем устроилось, и он смог пригласить сюда жену и дочку, то здоровье оставляло желать лучшего. Ревматизм, большие легкие... Именно поэтому Вацлав Вацлавович смог добиться разрешения остаться в губернском центре, избегнуть ссылки в отдаленный уезд. Из письма Венгером: «...Здесь климат сырой, и, хотя бывает солнце, влага совсем не высыхает. Так и ведем двойственное бытие: солнце как будто греет по-весеннему, а сырость от влаги продолжает делать свое и вредно отражается на здоровье». Узнав, что Венгерова собираются в Бузулук Самарской губернии к родным Анны Петровны, Воровский сообщает: «Кстати, у меня объявился туберкулез и летом я собираюсь на курорт в Ваши края...». Правда, неселось это признание — лишь повод для предвкушения будущей возможной встречи, о которой жизненно Воровский извещает с галантностью: «...По дороге буду иметь честь нанести Вам визит в Вашей вотчине [фрак, открытый жилет, кусочек хризантемы]. Встреча не состоялась, а недуги продолжали давать о себе знать, и в конце того же 1913 года Воровский писал из подмосковного Бегеждска (ныне Ногинск): «...Правильно развологоженные верхушки легких».

Срок полицейского надзора к тому времени кончился. Осенью Воровский писал: «Не далее, как через неделю, поеду в Москву, где буду искать работу и постараюсь остаться... Не странно ли — вот и конец вологодскому житию, опять какая-то новая жизнь: что день грядущий мне готовит? Как известно, ни в Москве, ни в Богородске Воровский не задержался надолго. Февральскую революцию встретил он в Стокгольме...».

Жизнь Воровского оборвалась в 1923 году в Лозанне, на дипломатическом посту. Всеволод Венгерова стал жертвой произвола тридцатых годов, лишь недавно удалось установить, что он был расстрелян. [При реабилитации в пятидесятые годы родным было выдано ложное свидетельство о смерти от болезни]. Письма, фотографии, документы были сохранены женой и дочерью. Последняя, Нина Всеволодовна Венгерова, и передала архив отца, касающийся его вологодской ссылки, в дар нашему музею-заповеднику. Часть документов можно увидеть в экспозиции.

Л. ПАНОВ,
старший научный сотрудник
Вологодского музея-заповедника.

ДРУЗЕЙ

ОН НАХОДИЛ ВСЮДУ

Фотографию им выслал Воровский. На ней, писал он, «все, что осталось от могущественного некогда кружка. Группы [видимо, так назывались небольшие групповые фотографии — Л. П.], как видите, вышли очень удачно — лучше большой. Они напоминают семейные группы или группы экскурсантов с педагогом во главе, причем я играю незавидную (но почетную) роль педагога».

Завязалась переписка. Перед нами — восемь писем В. В. Воровского из Вологды. Они адресованы В. С. и А. П. Венгером. И если тот же Борис Перес вспоминал, что

«сами поймете» мешает им, навещая то одного, то другого». Дело в том, что со своего приезда в Вологду осенью 1912 г. «ликвидатор» [Борис Богданов] работал в Вологодском обществе сельского хозяйства, под псевдонимом «Элич» печатал в местном журнале «Северный хозяин» статьи по вопросам сельскохозяйственной кооперации. Привлек к этому делу и «большевик» [Воровского]. Вместе взялись за большое дело: обработку и изучение сведений о маслодельных артелях в Вологодской губернии. Данные специально разработанной анкеты, годовые отчеты